

Поход американской социологии против разума

США стала страной, в которой готовятся заговоры против сил демократии и прогресса.

Вслед за реакционной американской философией, буржуазная социология в США объявила крестовый поход против разума.

Около ста пятидесяти лет назад Томас Джефферсон, дважды президент США, объявил идею разума и прогресса движущей силой развития американского общества. Его современник Итан Аллен написал знаменитый атеистический памфлет под названием «Разум — единственный оплот человека». Позже в современной Америке идею Джефферсона, Аллена, Томаса Пана и им подобных сделали краеугольным камнем идеологии прогресса и демократии. В США как противозаконная «коммунистическая» пропаганда.

Наряду с «доктриной Трумэна» и «планом Маршалла» среди реакционных философов и социологов США усиленно распространяется «доктрина Брочера», обложившаяся в 1945 году в своей книге «Политика и мораль» движущей силой общественного развития таинственную иррациональную сущность.

Впрочем, было бы несправедливо считать первоначальником этой «доктрины» именно Брочера. За несколько лет до него поход против разума объявил не кто иной как Гитлер, провозгласивший разумные начала продуктом «неарийского» творчества. Идеи фашистского диктатора не дают о себе знать американским империалистам, делаясь, подобно нацистам, безумные планы мирового господства.

Недавно в отчете об очередном съезде лежущего ордена сообщалось, что в США подвизается 6.282 официальных члена этой «почтенной» организации, т. е. значительно больше, чем в любой европейской католической стране, включая даже франкистскую Испанию, где официально числится 4.973 иезуитов.

Одной из задач американских иезуитов является пропаганда бессилия разума. Эта деятельность выходит прямою подоплекой у реакционных американских социологов, которые в лице Ван Кирка, Бьюна, Кассера и безглаголивого Питирима Соркина занимаются воскалыванием мистификации и доказывают, что разум, просвещение, наука являются в непримиримом противоречии с интересами общества. Отсюда идеализация средневековья в американской социологической и исторической литературе. Средневековая инквизиция, сжигающая на кострах кортесов науки, объявляется гуманным учреждением, так как она не давала буржуазии рационализма и прогресса — двух смертных грехов человечества.

Не случайно, что в США большой популярностью пользуются работы профессора Оксфордского университета Девеага, который в своем «исследовании», называемом «Золотой век Испании», стремится доказать, что испанская инквизиция сыграла «благородную» и «полезную» роль. Не потому ли американские политики поддерживают франкистскую Испанию, в которой сверстает фашистский террор, превосходящий самые изощренные жестокости средневековой инквизиции.

Буржуазная социология США ведет поход против разума различными путями. Один из них — выступление под лозунгом позитивизма знаменитых отрицателей объективных закономерностей в развитии общества. История объявляется явлением случайным, сугубо индивидуальными явлениями, не поддающимися никакому рациональному объяснению. Другие считают «адепты» инстинкты и стремления, находящиеся «по ту сторону» человеческого сознания, основой общественного развития.

В первом отношении лидер психологической школы в социологии США Росс, объявлявший, что постигнуть действительные «тайны» истории — принципиально невозможно. Другие в лице Джона Дьюи и К. Джонса, что движущей силой общественного развития и основной причиной

М. БАСКИН

ной происходящих в капиталистическом обществе войн являются эвентуальные, радиально необъяснимые особенности человеческой психики, вроде «стремления к драматизму» и т. д. В итоге делается вывод, что наука не только не может проникнуть в будущее, но и не может постигнуть настоящее. Скептицизм американских социологов не случаен; он отражает глубокую внутреннюю слабость капиталистического мира. Отказываясь признавать наличие объективных закономерностей в жизни общества, буржуазные социологи приходят к отрицанию самих исторических фактов.

Так, виднейший американский социолог Говард Беккер сравнивает человеческое общество с неким основным лесом, который существует в одной форме для ботаника, в другой для охотника, в третьей для лесничего, в четвертой для фермера, в пятой для геолога, в шестой для художника, в седьмой для отшельника, в восьмой для заблудившегося ребенка и т. д. Для отшельника, уверяет Беккер, гномы соседствуют с живыми свидетелями благодати бога. Для заблудившегося ребенка лес является в виде обитающего, где живут сказочные злые волшебники. Геолог смотрит на лес, как на слой почвы, на котором возвышаются гигантские деревья. В результате Беккер приходит к старому выводу о непознаваемости «леса в себе». Он рассматривает его как продукт произвольной деятельности субъекта.

Таким же лесом, с точки зрения современных американских социологов, оказывается и все человеческое общество.

Считая однако правильными все концепции и методологические приемы в социологии, Беккер и ему подобные становятся псевдоинстинктивными эвентуальными. Для всех современных американских реакционных социологов принцип частной собственности на средства и орудия производства является основным. Только ему приписывается «объективное» значение.

Новейшие американские социологи в своей борьбе против разума и науки стремятся доказать невозможность научного определения общественных процессов. Недаром Росс объявляет проблему социального прогресса делом астрологов, а не ученых.

Бессистемная область, в которой современные американские социологи готовы признать возможность предсказания будущего, — это сфера морально-поведенческой того или иного субъекта. А американский горе-исследователь Вольф специально «изучал» поведение 579 заключенных в американских тюрьмах, основывая на 29 факторах типичной жизни уголовных преступников. Он предлагает эту таблицу американским тюремщикам в качестве пособия для математически точного определения возможных рецидивов преступников на установленный тюремный режим.

В книге «Предсказываемые преступности» выплывает проблема научного предсказания, досрочно освобожденных из тюрьмы. Этому же вопросу посвящены две популярнейшие в США социологические работы Галка — «Познание карьеры преступников» и «Быстрые новые правонарушители». В этих работах дана техника составления таблиц, предсказывающих поведение лиц, желающих приговора. Эно Моузон подробно говорит о методе превращения, применяемом новейшими буржуазными социологами США. Речь идет о психометрическом описании отдельных явлений, о примитивной внешней классификации случайно добытых фактов и, наконец, о составлении таблиц, являющихся в основе которых чисто механически составляются

его прогнозы для тюремных надзирателей и полицейских агентов. Вполне понятен особый интерес американских социологов к проблеме преступности. В современной Америке преступники, сутенеры и бандиты сделали монополистами «героического» начала, излюбленными героями желтой прессы, продающего кино и растленной литературы.

Все, что выходит за пределы повседневной жизни американского обывателя, рассматривается как нечто мистическое, не поддающееся научному исследованию.

Стоя на мистической, антинаучной позиции, буржуазные социологи США фактически приходят к идее диктационной науки об обществе.

В этом отношении типичен американский социолог Бернари, автор многочисленных книг по вопросам «теории» общества и по истории социологических учений. Перу Бернари принадлежит знаменитая в США обшестая книга «История американской социологии».

Бернари не просто социолог, это один из представителей академической социологии в США. Он пользуется славой всеобщего друга в области общественных наук. Вот почему особенно любопытно, что не кто иной как Бернари, кстати сказать, обложивший себя сторонником «естественной науки», является фактически проповедником отказа от научного исследования общественных процессов.

Бернари не в состоянии вразумительно объяснить, что, по его мнению, является предметом социологического анализа. Он пытается свести науку об обществе, исключив общество как реальную категорию. В своей дикойской услужливости перед монополистическим капиталом этот «ученый» доходит до того, что ничтоже сумняшеся приписывает к представителям американской социологической науки деятелей «Американской тюремной ассоциации», считая истинными учеными Форда и Рокфеллера, Моргана и Херста.

Преувеличивая социологию в науку о «пустоте», объявляя общество психологической категорией, реакционные американские социологи притаскивают весьма старую и потертанную идею о неуместности извещения общественных отношений.

Расматривая капитализм как игру воображения, американские марксисты от социологии рекомендуют рабочим и фермерам Америки вместо того, чтобы бороться с реакцией, бороться со своим собственным воображением и принять капитализм как само собой разумеющееся, извечное и не подлежащее изменению начало. Не случайно поэтому, что американские социологи объявляют «утопией» всякую борьбу против капитализма. Так, например, Бернари в своих работах поет хвалебные гимны Спенсеру и Кинту за то, что они считали капитализм «вечной системой развития».

В свою очередь Джон Дьюи заявляет, что во время войны всегда наблюдается «большой расцвет добрых чувств». В «Проблемах человека» он предлагает поэтому заменить классовую борьбу войной за мировую гегемонию американского капитализма.

Социологи Эллиот и Мэррилла считают, что революция не должна затрагивать интересов американских трестов и синдикатов, интересов Форда и Рокфеллеров.

Понятие, еще никогда история человечества не знала столь открытой, грубо-откровенной связи «идейных» привастрок эксплуататоров с самими эксплуататорами! Буржуазные социологи уже не стремятся объявлять себя «беспартийными». Они априорируют свою связь с крупнейшими капиталистическими корпорациями США, с капиталистическими трестами и синдикатами, получают от них субсидии.

Современная американская буржуазная социология с исключительной выпуклостью отражает общий распад буржуазной культуры. Она находится в непримиримом противоречии с позитивной наукой об обществе и законах его развития.

Слово хозяйина

БУМАГА ИЗ ЛЬНЯНОЙ КОСТРЫ

В «Литературной газете» от 22 мая была помещена статья 6. Октября о кустности работников Министерства целлюлозной и бумажной промышленности, являющейся недооценкой солому в качестве заменителя древесины при производстве бумаги. Прочитав эту статью, действительный член Академии наук Украинской ССР В. Г. Шапошников прислал в редакцию письмо, в котором напоминает еще об одном виде сырья для варки целлюлозы:

«Я имею в виду льняную и конопляную костру, — пишет ученый. — Костра является отходом заводов по первичной обработке льна. Никакого промышленного применения она не находит. Ее обычно сжигают или используют для засыпки оврагов и выбоин. А ведь костра — не менее ценный заменитель древесины, чем солома. По самым скромным подсчетам, в районах, возделывающих лен и коноплю, ежегодно гибнет до 100 миллионов пудов костры. Количество, достаточное для выработки 50 млн. пудов технической целлюлозы!»

Переработка костры не требует никаких дополнительных приспособлений. Костра пускается в варку так же, как древесина. Разница только в том, что древесину приходится предварительно измельчать, а костра в этом не нуждается.

В ближайшем же году страна может сэкономить значительное количество ценной древесины, если работники бумажной промышленности перестанут утилизировать и серьезно займутся использованием заменителей. В южных районах, куда лес заходит с севера, надо производить бумагу из соломы, а в районах льноводства — из льняной костры.

СОХРАНИТЬ ПАМЯТНИК КАЗАЧЬЕЙ СТАРИНЫ

Станица Старо-Черкасская, Аксайского района, Ростовской области, — знаменитый памятник казачьей старины, — пишет в «Литературной газете» писатель Дм. Петров (Бирюк). — Здесь в XV веке зарождалось казачество Дона. Жили здесь прославившиеся казаки — полководцы Матвей Иванович Платов — герой Отечественной войны 1812 года, генерал Баканов, замечательный народный герой Федор Петрович Денисов.

Здесь каждый камень овеял легендами и сказаниями о давнем прошлом донского казачества. Величественный собор — крепость, строительство которого помогало Петру Первому, сохранился и поныне. У подножия древней башни в толстую каменную стену ввинчены тяжелые железные кандалы. В них, по преданию, был заключен Степан Разин, перешедший к нему от правды на казнь в Москву.

На площади, около собора, лежат чудные городские ворота турецкой крепости Азова и массивные городские вены. Уходя из Азова в 1643 г. после знаменитого «Азовского сидения», проложившего несколько миль, казаки захватили с собой на память эти тяжелые реликвии, протискиваясь на своих вьюках через створы.

В станице уцелело немало трехсотлетних домов своеобразной архитектуры, с изразцовыми печами, расписанными искусными мастерами. Среди них особый интерес представляет дом, в котором в начале XVIII века жил охотник-казачий-крестьянский воевода Бондир Булягин.

Многие из старинных зданий разрушаются и постепенно исчезают. Два года назад в Старо-Черкасску из Москвы приезжала комиссия. На исторические здания были повешены таблички, призывающие сохранить памятники старины. Этим дело и ограничилось.

Старо-Черкасская расположена в сорока километрах от Ростова. Но, несмотря на неоднократные сигналы старожелов о необходимости сохранить станицу-музей, областные организации никак не мер не принимают.

Дело не терпит. Нужно немедленно начать реставрацию зданий, донесших до нас память о славных делах и жизни наших предков.

ЕЩЕ РАЗ О БРАКОДЕЛАХ

«На всех предприятиях, получивших высокочастотные установки с маркой московского завода им. Ворожцова, раздается наезд на безобразное выполнение монтажных работ, на низкое качество изготовленных агрегатов», — пишет лауреат Сталинской премии старший научный сотрудник Института металлургии Академии наук СССР М. Г. Лопаткин, откликнувшись на заметку «Бракоделы», опубликованную в № 47 «Литературной газеты».

«Мною были сделаны попытки воздействовать на завод им. Ворожцова: я переслал главному инженеру тов. Сватковскому пояснительную записку, расчеты в чертёж на пелый ряд элементов установок, подлежащих улучшению. Кроме того, я предложил созвать на заводе им. Ворожцова совещание с участием крупнейших специалистов, а также работников предприятий, имеющих нечастые приобрести аналогичные установки. Однако эти предложения сузито только «заполнить» и было отвергнуто. Столь же прохладно отнеслись к моему вниманию и в департаменте Министерства сельскохозяйственного машиностроения СССР, в ведении которых находится завод.

Я полагаю, — заканчивает свое письмо тов. Лопаткин, — что автогосударственное отношение к работе надо немедленно пресечь. Завод им. Ворожцова должен изготовлять полноценные высокочастотные агрегаты».

В туристском походе.

Фотохудож. Е. ТИХОНОВА.

Б. ЕМЕЛЬЯНОВ Дед Климуса

Еще до войны в Хибинах, когда была закончена одна из труднейших геологических экспедиций, академик Ферман сказал газетному корреспонденту:

«Как бы ни жалея об этом романе, ни прощес открывания новых земель у нас завершено. Наступил период освоения советской земли. Мы уже не землепроходцы, не открыватели, а добрые хозяева».

Да, мы хозяева родной земли. Мы создаем новые леса, создаем новые моря, разводим ценнейшие породы зверей и птиц. Обмелевшие реки, песчаные берега, оголенные горы вызывают нашу хозяйскую тревогу.

Владимир Ильич Ленин завещал нам бережно охранять природные богатства страны. Один из первых декретов советского государства — декрет о земле — национализировал в сделав достоянием народа все охотничьи угодья страны.

Советское правительство сделало в стране свыше 50 заповедников. Удалось увеличить поголовье исчезающих животных, морского и речного бобра, выхухоли, чернухы и серебристо-черных лисы и енотов теперь разводят на многочисленных колхозных фермах. Создан и работает Всесоюзный институт охотничьего промысла с широкой сетью опытных станций. Создано много. Но всегда ли бережно и разумно сохраняем и используем мы наши природные богатства? Нет! Сохранение охотничьего государственного фонда известно каждому охотнику. Основное зло — неумеренный и неправильный «отстрел» и «отлов» зверя и птиц.

Правильно развивая и поощряя охоту не только как промысел, но и как массовый спорт, органы Гамановы, местные советские, партийные организации ослабили контроль, прекратили воспитательную работу среди молодых охотников. Диктанция охотничьих законов пришла и вредному массовому «дикийству». Выпуск научно-популярной и художественной охотничьей литературы почти прекратился. Классические работы С. Бутурлина, Н. Зорыкина, А. Иващенко — настоящие книги охотника — стали библиографической редкостью. Такие необходимые для воспитания молодежи журналы, как «Юный натуралист», «Советский охотник», «Боец-охотник», прекратили существование.

А тем временем по лесам приходят частую охотники, а волыны и невольные хищники, которые даже не знают, какие звери и птицы вредны, какие полезны. Охота много превращается в стрельбу по любой движущейся цели...

В прошлом году я отправился на охоту в Семеновский район Горьковского области. Здесь находится бобринно-птичий заповедник, в организацию которого государство вложил крупные средства. Бобринно-птичий заповедник на реке Керженец...

Но едва я углубился в керженецские дремучие, когда-то кошмарные звери в птичьей лес, как увидел повсюду, на расстоянии десяти верст, табеля развешенные гниющей соломой в березы. Сидящие на нем и охотники от сучьев деревьев валились кривом. Огромные, с лизу крепкие бревна рассыпались от толчка ног. Деревья спилили, но не выжгли, и они гнили, заражая окрестный лес.

Владимир Ильич Ленин наотрез отказался пригласить команданту Горького (1) зря срубленные деревья, и комзавт испаряно отшел от арестом.

С любовью и заботой относится к природе нашей Родины Иосиф Виссарионович

Сталин. Г. Байдуков в своих воспоминаниях о встрече с товарищем Сталиным рассказывает, как поразила его и Валерия Чкалова забота Иосифа Виссарионовича о природе, его знание многих, даже самых скрытых свойств отдельных лесных пород.

Откуда же берется у нас равнодушие к красоте и богатству своей земли?..

Из леса мы спустились в знаменитые керженецкие заливные луга, но и здесь не нашли птиц. Зато в полях, на пологом, по полюсу угодьях в августе вареными утиными лапами, и мы попали, что птицы гнездовали по Керженец были хищнически уничтожены весной. Один из местных охотников — дед Климуса, старовей в лапчатый, хороший проводник по «святым» местам керженецких скотов. Климуса в свои 65 лет заводит и бодра, год заводит вместе с сыном отбыл наказание, вернулся в разные места, в комхозе не работает и промышленный охотник. Вегний, по свидетельству местных охотников, Климуса убил 60 гаукаров, стало быть, нахоту уничтожил шестьдесят выводов рекой птицы, и избрал две бочки утиных и тетеревиных яиц. Одна такая «добыча» уничтожает ежегодно поголовье птиц целого охотничьего хозяйства.

Пример Семеновского района, где наряду с бережным уходом за заповедными борами «под метал» уничтожают деревья, зверей, птиц, типичен, в сущности, для многих районов и областей. Леса Калининской области «исчезают» всюду, кроме строго охраняемых угодий военно-охотничьего хозяйства. На Чикал — огромных озер Нонсибирской области — до сих пор в ходу охота на утку в гуси с загонном. Личную, личную первенству все время загонят в сети и потребуют тысячи.

В Уголовном кодексе РСФСР существует статья 86, согласно которой производство охоты в запрещенных местах, в запрещенных сроки, или запрещенными способами и орудиями влечет за собой лишение свободы, или принудительные работы на срок до 6 месяцев, или штраф до 300 рублей. Статья 86 УК РСФСР допущена «Правилными охоты», установившая для всей территории РСФСР. Статья 16 этих «Правил» указывает, что за нарушение правил в сроки охоты или в запрещенных местах штрафуются в 86 УК. Разумеется, такое «дополнение» закона умело используют браконьеры, как великодушную лазейку для ухода от закона.

Наше охотничье законодательство и правила охоты устарели и требуют коренного пересмотра. Необходимо возместить ответственность за браконьерство. Установлено 10-тысячный штрафа за незаконный отстрел доса привело уж к многократному увеличению доса. Пало так же резко наказывать за уничтожение дичи, волков, сайгаков, которых и сейчас хищники истребляют в Казахстане и Средней Азии. Делаются, например, бьют ночью, охотятся на автомашинах... Необходимо установить точную ответственность местных советских организаций — сельсоветов и райисполкомов за состояние природных богатств своего района. Права сельсоветов и райисполкомов по наказанию браконьеров должны быть расширены.

Следует переиздать крупными тиражами лучшие научно-популярные работы наших знаменитых охотников и возобновить выпуск массового охотничьего журнала.

Сохраняя природу — золотой фонд нашей страны. Всенерно охранять его — долг каждого советского человека.

С разведчиками труда и науки

Ленинградская писательская организация открыла цикл вечеров писателей-путешественников. На первом вечере выступили Семен Битовый и Михаил Марьянов.

У Битового — добрый десяток книг стихов и прозы о Дальнем Востоке. Он много лет странствовал по берегам Тихого океана, прошел тысячи километров тайгой, а прошлым летом проделал пятсот километров в долину ледяной по рекам Камчатки. Очерки его опубликованы в третьей книге «Звезды» в выходной отдельным изданием.

Марьянов — полярник. С 1932 года участвует он в арктических экспедициях. Марьянов был на Новой Земле, на Таймыре, изучал несколько профессий, работал коллектором, вытеснителем, затем кончил специальные курсы и стал оператором-геофизиком. Он написал повесть для детей и путевые очерки. А если вы посмотрите на карту Новой Земли, названную Арктическим институтом, то у юго-восточного ее берега вы найдете проложенные ранее пятью с калиграфическим названием: «озеро Марьянова», названное так в честь писателя, который первым прошел туда по ледяной пустыне.

О Таймыре предстоит еще разговор в Доме им. Маяковского. Я вспоминаю

сейчас тревожные дни, которые мы пережили в прошлом году, когда вдруг превратилась связь с самолетом, на борту которого находился Ив. Соколов-Микитов, альпинист в страстности, певец родной природы, слезоточив и охотник. И как у нас отлегло от сердца, когда редакция «Вечернего Ленинграда» опубликовала радиограмму, в которой старый писатель сообщил о том, каким он увидел Таймыр, в о маленькой пущице, шедшей на лыже.

Десятки ленинградцев вернулись из дальних странствий, десятки тысяч отправляются. А на выставочных щитах в одной из гостиных нашего Дома собраны фотографии, объясняющие и дополняющие увлекательные рассказы путешественников.

В эпоху новой сталинской пятилетки тысячи разведчиков труда и науки поплыли по новым, еще не изведанным путям. Писатели идут вместе с ними, чтобы рассказать о подвигах советских людей, об энтузиазме миллионов тружеников, о новых богатствах, открываемых ими. О борьбе за процветание нашей страны, о борьбе за коммунизм должны рассказать книги писателей-путешественников.

Иосиф КОЛУНОВ
ЛЕНИНГРАД.

А. САДОВСКИЙ

ТОЧКА ОПОРЫ

Профессор Гринберг прибыл на Урал — поздравить своих товарищей. Он вышел из Ленинграда по ледовой ладожской трассе в самые суровые месяцы года, когда на корпусах завода имени Сталина не поднимались ни один лыжник, — враг железных колесом оружия город. В Верхней Салде, на Урале, главный конструктор бюро паровых турбин застал у своих сотрудников. На Урале, куда пришла с севера и запада шельды с оборудованием десятков предприятий, конструкторам поручили монтаж эвакуированных турбин.

Сложная и трудная была эта работа. В дороге терпелись детали, где-то блуждали узлы огромных машин, на колесах еще были листы с чертежами и формулами. Не имея под руками технической документации, не имея времени на объяснение недостающих деталей, конструкторы изобретали, искали и находили возможности быстро вводить турбины в строй.

Это был тяжелый труд. Родина жужжала в нем. И об этом неустойно напоминал профессор Гринберг — главный конструктор бюро паровых турбин завода имени Сталина, подчеркивая одновременно, что люди, сегодня владение нужное и важное дело, не должны забывать о завтрашнем дне.

— Но знаю, когда кончится война, — размышлял профессор вслух, — никто из нас не знает этого. Может быть, она — на годы... Враги уверены, что нам не податься. И наши, с позволения сказать, «друзья» не уверены в этом. Они надеются, что мы останемся на добрый десяток лет. И так может быть, если... мы вернемся на завод с пустыми руками. Перед войной мы собирались построить две небольшие опытные турбины высокого давления. Мы хотели посмотреть, что из этого получится. Сейчас не до опытов — идет война. Но надо создать такую конструкцию. Наш завод способен совершить поворот на сто восемьдесят градусов — от турбин нормально давления в турбину высокого давления.

Профессор Гринберг встретил горячую

поддержку сотрудников бюро. Конструкция новой сверхмощной турбины, называемой «ВБ-100-2», стала точкой опоры для творческого коллектива.

Не легкий путь избрали энтузиасты. Трудности возникли с первых же шагов, — когда конструировалась последняя лопатка рабочего колеса — именно та деталь, с которой начинают обычно проектирование всякой паровой турбины.

Конструктор А. Левин, невысокого роста человек с выпуклым лбом математика, деликатно тихий в отношениях с людьми, но настойчивый в научных поисках, разработал три варианта лопатки. Он мог обогнать изобретателя, когда профессор принял у него четвертый, вполне надежный вариант. Но Левин не успокаивался: он искал лопатку любой формы.

Профессор Гринберг был потрясен, когда к нему явился конструктор Левин и, попросив свой четвертый вариант обратно, вручил окончательный, пятый.

Расчеты турбины — это строгая последовательная система, от точности которой зависит надежность и экономичность турбины, и не только этой, но еще двух, трех, четырех, целой серии турбин нового типа. «ВБ-100-2» была головной, заградительной машиной. За ней стояли пятидесятисильные и двестишестисильные турбины. Конструктор искал тактичные и детали, которые легко переставлялись бы из одной машины в другую.

А. Ломакин создал целую серию уникальных конструкций для турбины, но каждая из них могла жить в отдельности от нее — циркуляционный насос, перекачивавший 11 тысяч кубометров воды в час, самый производительный центробежный насос и питательный насос высокого давления.

Конструктор В. Егоров был автором вспомогательного оборудования турбины — нового типа конденсаторов, эжекторов, трубопроводов сложной компоновки — всего, что обеспечивало экономичность ее работы. — ведь турбина высокого давления призвана экономить 150 тысяч тонн угля в год!

И, наконец, конструктор М. Хейфец создал мозг машины — 48 узлов парорегулирования и парорегулирования. Не только эти инженеры участвовали в

конструировании новой уникальной турбины. В ее создание вложили труд высококлассифицированных специалистов — работников Ленинградского металлургического завода имени Сталина А. Антонова, М. Бушуева, А. Зильбермана, В. Зубов.

Советские конструкторы вышли на передовую линию науки и техники. Сброшенная работа — тошнотный том, состоящий из трехсот с лишним страниц, — унесла легла на стол министра. В обсуждении проекта «ВБ-100-2» участвовали уральцы, карьерчане.

... На приборной доске резко качнулась стрелка. Послышался ровный густой гул, в традиционный клочок бумаги, наклеенный на кончик вала, дрогнула, замаяла, а потом отделилась и попала в воздух.

Конструкторы и инженеры цеха — у каждого под глазами темные круги, каждый провел без сна две-три ночи — держали у приборов, отмечая в записных книжках выписываемые, или приклеивали слуховые трубки к моточному корпусу, доверяли слуху не меньше, чем приборам. Стрелка тахометра поднималась вверх. Когда стрелка достигла контрольных цифр «3340», человек у прибора пронон босом: «Живет стрелочка!»

Скуповатые в выражении своих чувств, люди на ступе на этот раз не выдержали. Они обнимали конструкторов. Обнимали главного инженера. Обнимали рабочих, пеломов старого, сегозского «паря-токаря», расточившего лез для единственной в мире паровой турбины высокого давления мощностью в сто тысяч киловатт, с числом оборотов — три тысячи в минуту.

Потом машину разобрали и в ящиках с жирными надписями «осторожно», «не загромождать» перевезли в Сталинград, а здесь смонтировали на железобетонном фундаменте. А спустя некоторое время со ступа сошла вторая сотысячная турбина высокого давления.

Конструкторы, инженеры, мастера и сталовники большого завода на правом берегу Невы вышли на первую мировую мировую техники. Сталинская премия заслужена выдающимся творческим работниками коллектива с честью!

ЛЕНИНГРАД.

Никогда в прошлом великие сооружения не возводились дважды. Скажем, храм Соломона в Иерусалиме исчез навеки. Сиринский город солнца Бальбек, знаменитые финикийские города Тир и Сидон погибли от опустошительных нашествий. Византийская Пальмира, полная палм и белокаменных зданий, была разрушена разгневанными римскими легионами. Баальон, Карфаген и древняя столица Египта — Мемфис превращены в руины и безвозвратно занесены песками пустыни. Басовые дворцы на величественных виллах испанских дворян растоптаны дикими турецкими ордами. Римский коллизей, афинский акрополь, римские виллы, афинский акрополь, Плиты не почитают, — они остаются непогрешимыми покойниками до полного разрушения.

Но было у народов достояние, славя и животворили идеи, во имя которых могли бы они возродить то, что в бурях войны подвергалось уничтожению.

Только в наше время и в условиях нашего социалистического строя совершаются чудеса воскрешения разрушенных врагом величественных сооружений. Оверзвонные фашисты уничтожили в Советском Союзе сотни городов и заводов, десятки тысяч сел, взорвали здания многих университетов, институтов, библиотек, театров, обсерваторий, музеев. И на виду у нас величественные здания встают тоньше вновь, села поднимаются на пень, университеты, институты и театры начинают жить не только как прежде, но еще более интенсивно и полномерно.

Нельзя сравнивать это с тем, что происходит, скажем, в Англии, Франции, Италии. Они пострадали от гитлеровского разбоя во много раз меньше, чем мы. Однако, как об этом свидетельствуют очевидцы, мы, масштабы восстановительных работ там ничтожны.

Разрушения Лондона вследствие воздушных бомбардировок не сравнить, например, с разрушениями Сталинграда, где возродились и уже действуют все предприятия, быстро восстанавливается жилой фонд. Казалось бы, за три года после войны в Лондоне бы в состоянии зажить свои районы. Но, несмотря на все, в Лондоне, можно считать по пальцам строившиеся дома. Не восстанавливаются даже здания, требующие сравнительно небольшого ремонта.

«Нельзя же», — рассказывает тов. А. Пашакин, побывавший в прошлом году в Лондоне от делегации депутатов Верховного Совета СССР, — назвать восстановительными работами возведение на руинах статуи короля Карла I. Или возведение на прежнем месте в центре площади Виктории беломраморной статуи «Юности». «Известно, однако», — добавляет он, — что на ближайшие два с половиной года в Лондоне не предусматривается сколько-нибудь существенного строительства.

Лондон — крупный порт и промышленный центр Италии. Там, где раньше на десятках километров тянулись благоустроенные пристани с причалами, теперь лежат груды камня и зеленые пустыри. Большинство разрушенных предприятий бездействует или используется под склады, тапчальные заводы и спортивные площадки для американских оккупационных войск. Упавшие от бомбардировок оборудование растащено или выброшено на свалку.

А новое строительство в странах, мыслях заветных войной? Вице-президент Академии архитектуры Союза ССР К. С. Алабян в прошлом году побывал в Бельгии. «За время поездки по стране», — писал он, — мы не видели почти нигде в городах строительных лесов. В Брюсселе К. С. Алабян посетил строительный центральный завод. «В нем работ здесь ранее примерно одной пятой части разбитого плана нашего Метрополитана. Но в Бельгии это сооружение продолжается уже 35 лет и будет строиться еще наперевал лет 20».

Также «стены» непрерывно нам, гражданам страны, где едва ли не каждый день приписывают новые замечательные победы восстановления народного хозяйства.

В ряд примеров всеполюющей силы нашего социалистического труда и вдохновения, быть может, наиболее волнующим событием является возрождение Днепротреста. Днепровская гидроэлектростанция.

дающая самую дешую электрическую энергию в мире, есть достояние не только советской, но и общесоветской культуры. И вот — она два раза построена советским народом на протяжении двух последних десятилетий.

Перед нами — книга о восстановлении Днепротреста. Это строгая техническая документация восстановительных работ. Но от нее нельзя оторваться — так значительны и интересны строители, повествующие о сложном деле беспримерного строительства.

Инженеры А. Руденко, С. Тайгер, М. Тарасов, И. Кандалов, М. Есман, Д. Ингертов, Г. Орлов, И. Подронин, А. Адамович, В. Шинилин, А. Лейтос, работающие над восстановлением электростанции, составили подробное описание разрушений, совершенных гитлеровцами по всем объектам Днепровского гидроузла. Список фашистских злодеяний сопровождается фотографиями и чертежами. — Это исторический документ большой важности. Авантюерный мост, спирающийся устои, шпигельная стена, шпигельные камеры с их гигантскими воротами, распределительные и помповые станции, насосы, самая высокая установка с десятью ярусами турбогенераторов, — все подвержено люту разрушению. За пунктуальными описаниями инженеров, словно в кино, видишь, как в глубоких кратерах врат закладывал на крышках турбин львовские зарплатные толы, как из вала в западном заповеднике, как прожигали варвар, после которого турбины разорвались, словно от землетрясения.

Днепротрест — наша гордость; действительное разрушение его — тяжкая рана в сердце народа, в сердцах строителей. И вокруг восстановления гидроэлектростанции уже родились легенды, сказания, созданные самим народом.

Рассказывают, например, об академике Велесеве, главном инженере первого строительства, которого отлучили от работы рабочие. Все видели, как Велесев пришел в машину на левый берег. И многие, как чудесную вещь, перелетавшая насплетничавшие в народе слухи, что сейчас же после победы под Сталинградом товарищ Сталин вызвал Велесева в Кремль и поручил ему обдумать план восстановления гидроэлектростанции.

Люди хотели еще и еще раз почувствовать возвышающую силу творческого единения советской власти и советской науки. И вот представитель этой науки, человек, отставший лучшие годы жизни Днепротрестом, приехал. Велесев вышел из машины — высокий, селый, стройный, как в былые годы, несмотря на возраст.

Гидроэлектростанция не было. На ее месте торчали черные обломки железных конструкций, что-то уродливое, страшное, неспешное. И Велесев остановился. Он замер, пораженный; казалось, он внезапно задохнулся и в усилие глотнул воздуха. Глаза его расширились, из них брызнули слезы. Несколько мгновений Велесев не ощущал слез, ослепленный горем; потом вынул платок, вытер глаза и молча пошел вдоль берега в плотине. Лишь его прибрело стальную твердость, он почувствовал ознобление, вызов врага, требующий немедленной ответной борьбы, удара, яростной схватки.

Тысячи строителей вступили в эту схватку. И читая техническую летопись восстановления, представляешь титанический труд наших неутомимых, талантливых, изобретательных советских людей, преодолевших препятствия, которые казались непреодолимыми, даже непреодолимыми. Шаг за шагом, этап за этапом книга рассказывает об исключительных сложностях задания, какие стояли перед коллективом восстановителей — инженерами, конструкторами, прорабами, мастерами. Самые магистральные восстановления были романтически сложны. И деловая зоркость советской технической мысли, глубина ее анализа, смелость выводов оживляют чувство гордости за наших гидроэлектриков.

Статьи главного инженера Днепротреста И. Кандалова «Методы восстановления Днепротреста» несмотря на внешнее техническое бесстрашие, захватывает. Она полна

«Восстановление Днепровской гидроэлектростанции» И. И. Кандалов. Сборник статей о восстановлении промышленности и сельского хозяйства. М.: Госгизгостиздат. 1947, 112 стр.

внутренней динамики, прощупанной силой убедительности, пафоса ожидания. Сложные строительные процессы автор изобразил осязаемо. Рассказ о сменном сооружении защитной дамбы, которая во время наводки 1945 года предохраняла площадку гидростанции от размыва, будет изучаться, как пример строительной находчивости в труднейших обстоятельствах. Картины расчистки вырытых завалов, вскрытия дождевых отверстий для пропуска весенних вод, описание последующей героической заделки отверстий, — все это страницы не только трудной инженерной практики, но и большого, чисто живописного мастерства изложения. С невольным восхищением описывая, как катки технических записей и чертежей превращаются в повествование о величественной эпохе социалистического труда.

Кратко и с виду суха статья В. Шинилина «Месячные планирование и ежедневная оперативная отчетность». Но она дает представление о напряженной работе коллектива восстановителей и его руководств. Каждый этап был тщательно продуман, каждая минута времени строителей утлена. В этом сказались замечательная организованность, мужество и упорство людей сталинской эпохи. Все участники имели точный календарный график, по графику распределяли работу и силу, механизмы и огромные количества материалов. График был результатом творчества большого коллектива: прорабы, мастера и рабочие. График стал железным законом строительства, его человек, даже больше, — секундной стрелкой.

Наконец, статья архитектора Г. Орлова «Архитектура Днепровской гидроэлектростанции» знакомит с характером сооружений гидроузла и с проектом будущей гидроэлектростанции на правом берегу Днепра. Прекрасно искусство зодчества нашего социалистического общества! Мы читаем о планировке большой площади на левом берегу реки с монументальным памятником В. И. Ленину против плотин и гидроэлектростанции, и из охватывает волнение. Площадь будет архитектурным завершением города Запорожья. Запорожье выйдет к памятнику огромным проспектом длиной в девятьсот километров. Многочисленные жилые дома в дельте Днепра станут городом-садом. Уже сейчас от аякамеры и поспешной постройки ципи на целые гектары растут малые абелюны, а к западу от проспекта Винтера раскинулись зеленые курорты скверы и парки. Главное же средоточие жизни правого берега — оакидннм аяками и кленами площадь — украсит большая скульптура, изображающая великого востя и влохннм аяками советских народов И. В. Сталина.

Даже мелкие детали стройки не остались вне поля зрения архитекторов. На площадке установлены отлитые по особому рисунку металлические перила с пятиконечной звездой и государственным гербом Советского Союза. На проезжих мосту шпигельных воздурены высокие маты светлых, художественно выполненные в гармоническом сочетании с общим стилем сооружений. По специальным чертежам изготовлены огромные фарфоровые абактуры к светлым и фарфоровые стальные крошечные для трамвайных проездов.

Сила труда и мысли советских людей воссоздает энергетическую мощь крупнейшей в Европе гидроэлектростанции, рождающей новую красоту на месте ужасных разрушений. Фашисты умертвили гидроэлектростанцию. Советский народ под руководством коммунистической партии воскресил ее из мертвых. На Западе еще в 1944 году утверждали, что подобной «чужды» никогда не будет. Советский народ это чудо совершил. Днепровская гидроэлектростанция на протяжении короткого срока построена вторично.

Книга инженеров о восстановлении Днепровской гидроэлектростанции не только волеет в близкое всех технических кругов нашей страны. Чем дальше, тем больше она будет приобретать характер яркого исторического документа. Она является своеобразным памятником прекрасного человеческого подвига. И этот подвиг зовет писателей запечатлеть его в памяти поколений достойными художественными произведениями.

С. МАРВИЧ

НЕСКОЛЬКО ВОЗРАЖЕНИЙ

В своей статье А. Дементьев и Е. Наумов вводят современному читателю вопрос о перестройке преподавания истории советской литературы.

Однако не все их предложения можно принять безоговорочно.

Прежде всего бросается в глаза серьезная неточность в примерной периодизации курса. Третий раздел предложенной авторами схемы гласит: «Литература восстановительного периода и периода социалистической реконструкции (20-е годы)».

Период восстановления действительно ограничивается двадцатными годами. Но как можно сказать, что период социалистической реконструкции заканчивается в эти же годы? Это явное недоразумение.

Нельзя понять, почему на монографическом списке годов восстановительного периода исключено имя Ф. Гладкова. В какой же еще книге, как не в «Цементе», изображено с такой силой страстное, неуемное желание пролетариата восстановить то, что было разрушено двумя войнами, интервенцией? Ценность литературного опыта Ф. Гладкова состоит еще и в том, что он переносит в новые условия (роман «Энергия»), русую образ советского строителя в условиях новой эпохи. Нельзя забывать о том, что вместе с Ф. Гладковым в советскую литературу впервые вошла тема социалистического труда.

Несомненно кажется нам и то, что из этого же списка исключен Ф. Павлов. Никак нельзя забывать, что в романе «Бурский» отражены процессы, происходившие в те годы в советской деревне.

В четвертый раздел (литература периода сталинских пятилеток) А. Дементьев и Е. Наумов предлагают включить монографический очерк о Ю. Тынянове. На это следует остановиться, но не для того, чтобы согласиться с таким предложением. Ничего не станет опровергать художественную силу, образность книг Ю. Тынянова. Но могут ли романы Ю. Тынянова служить основой для обсуждения общих проблем советского исторического романа? На наш взгляд — не могут.

Двадцатилетняя работа А. Толстого над образом Петра I — от новеллы «День Петра» до третьей, незавершенной части романа — это путь постепенного, продолжительного с большим трудом, но явственно преодоления субъективного отношения к историческому материалу.

Этого никак нельзя сказать о книгах Ю. Тынянова. Историю художника, в сочетании с широкими знаниями, позволяющая ему находить новое, неизвестное до него в обрисовке отдельных фактов и характеров (например, страсти, посвященные Карамзину, в третьей части романа о Пушкине), но это, в сущности, относится к богатым явлениям. Что же касается общей концепции, то субъективизм художника, его личный интерес в выборе фактов и явлений остается непреодоленным. Вот почему мы считаем, что переход от книг Ю. Тынянова к постановке общего вопроса о советском историческом романе — прием целесообразный и дезориентирующий.

Монографический очерк о М. Исаковском авторами указанной статьи предлагается включить в тот же четвертый раздел схемы. Это не лучшее решение вопроса. Правильнее было бы дополнить этим очерком пятый раздел схемы (литература периода Великой Отечественной войны). Именно в этот период достигло расцвета творчество М. Исаковского.

Перед литературоведами и критиками стоит задача — создать новые учебники и программы по истории советской литературы. Учебники, которые нам известны, были написаны для времени выхода в свет и совершенно неудовлетворительны теперь. Линия на основе строгого историзма могут быть основой книг, которые так нужны для идейного воспитания нашей молодежи.

С. МАРВИЧ

Угодническая критика

ЖУРНАЛ «РУССКИЙ ЯЗЫК В ШКОЛЕ»

ЗАЩИЩАЕТ ТРУДЫ АКАДЕМИКА В. ВИНОГРАДОВА

Несколько месяцев назад на страницах «Литературной газеты» были опубликованы резкой критике серьезные недостатки труда академика В. Виноградова, книги профессора И. А. Реформатского, книги профессора П. Чехоманова и Г. Шор. «Литературная газета» выступила против попыток оторвать науку от общественно-политической жизни, против псевдоакадемического объективизма и бесстрастия литературоведческих исследований, против разложения перед буржуазными учеными Зинада — за партийную, марксистско-ленинскую науку.

В своих статьях гг. Б. Агатов, К. Золотницкий, А. Марьямов, Г. Сердюченко, а также многочисленные читатели в письмах, преподаватели, аспиранты и студенты — резко осудили позицию части языковедов, пытавшихся отгородиться от нашей современности, замыкаясь в некоем особом литературоведческом «дарстве», уйти в мир пустых абстракций, формалистических изысков и малоразумительных иностранных терминов.

Множество писем читателей, а также бурные и плодотворные научные дискуссии, происходившие в Москве, Ленинграде и других городах, показали, что выступление «Литературной газеты» были своевременными, а критика этих книг необходимой и правильной.

Некоторые научные работники, особенно в стенах Московского университета, принявшие сначала критику в штыки, проф. М. Петерсон и проф. Р. Аванесов, доцент Е. Галкина-Федорук выступили с безоговорочным славословием в адрес академика Виноградова и столь же безогворочными хулами в адрес его критиков.

Вскоре после этого открытое партийное собрание филологического факультета МГУ правильно осудило стремление части работников факультета замкнуть критику, а поведение особенно ярых противников этой критики квалифицировало как непартийное. Вместе с тем многие выступившие указывали на серьезные недостатки книги академика В. Виноградова, на оторванность от жизни языковедческих кафедр факультета, на ошибочную трактовку в них и в лекциях ряда явлений языка и литературы. Это было началом большой критической дискуссии.

В преданиях выступили и научные работники, ранее бывшие безоговорочными апологетами академика В. Виноградова. Они (в том числе и доцент Галкина-Федорук) согласились с необходимостью критики и сами внесли в нее послышную лепту, указав на ряд пороков труда, еще недавно провозглашавшегося непогрешимым. Казалось, это был честный пересмотр своей ошибочной позиции. Сам академик В. Виноградов признал, хотя и с оговорками, необходимость критики своего труда.

Первые месяцы журнала «Русский язык в школе» наблюдали за всем происходившим с невозмутимым спокойствием. Но так или иначе, свою позицию все же надо было определить. И вот, почти полгода спустя, журнал решил, наконец, выступить.

В первом и втором номерах за 1948 год (подписаны к печати 9/III и 8/IV) опубликованы рецензия И. Мучника на книгу А. Реформатского «Введение в языковедение», рецензия Е. Галкиной-Федорук и П. Поспелова на книгу проф. В. Виноградова «Русский язык», заключенные двух кафедр по этой книге и отчет об открытом партийном собрании Института языка и мышления в Института русского языка Академии наук СССР.

Журнал «Русский язык в школе» рассчитан на многотысячную армию учителей, преподающих русский язык, на студентов педагогических и учительских институтов, на научных работников в области русского языка. Казалось бы, задача журнала состоит в том, чтобы, во-первых, информировать своих читателей о резкой принципиальной критике, которая, по выражению одного из участников дискуссии, внесла освежающий ветер в тихую заводи языковедения. Во-вторых, дать убедительную и недвусмысленную оценку ошибкам в работах лингвистов и, главное, вскрыть корни этих ошибок: непреодоленные влияния идеалистической западной лингвистики, отсутствие твердой марксистской базы, чрезмерный пинет по отношению к «столам» западного языковедения.

Ничего этого не произошло.

По страницам зарубежных научных книг и журналов

«ЧИСТАЯ» РАСА

Как известно, некоторым современным американским деятелям пришлось весьма по вкусу пресловутая расовая теория. «Теоретически» обосновывая превосходство англо-американской расы над всеми прочими, они адают «облагородить» народы всего мира установлением американского господства.

В свете этих рассуждений представляются интересными результаты исследований американских антропологов, неосмотрительно опубликованные в одном из номеров «Science news Letters» за 1947 г. Данные эти говорят о том, что всех белых американцев можно разделить на несколько резко различающихся между собой типов: северный, ирландский, средиземноморский, альпийский и варианты тех же типов с примесью индейской крови. Наиболее характерны и обильны для всех американцев, оказываются, являются признаки вовсе не англо-американской, а ирландской, т. е. кельтской расы (!).

Итак, «американский тип белого человека», оказывается, ничем не отличается от европейского — смешанного и т. д. Как же быть с медалью за лучшую породу? Кому ее присудят?

ФИЛОСОФИЯ МИСТЕРА КЛАРКА

В США является множество претендующих на научность книг, в которых пропагандируется благодеяние смерти. Авторы их убеждают доверчивых читателей в том, что все лишения, которые им приходится испытывать на земле, объясняются отнюдь не существующими общественными поряд-

В своей рецензии на книгу Реформатского И. Мучник всесильно обходит острые углы и щедро рассыпает комплименты: «В книге много нового, своего, и проявляется это довольно разноразлично: это или новое слово в науку, результаты исследований автора, или же новая трактовка какого-либо вопроса, или же, наконец, оригинальная манера построения либо изложения материала».

Из всех этих неумеренных похвал можно согласиться только с одной. «Более чем «оригинальная» манера изложения материала характеризует эту книгу, написанную талантливым, но неудачливым языком».

Рецензент упоминает о том, что Реформатский недостаточно точно цитирует философские труды Ленина. Но он укачивает, что здесь не просто небрежная цитата, что само по себе недопустимо; В. Виноградов приписал Ленину гегелевское положение для того, чтобы подкрепить свое собственное рассуждение о невозможности выразить мысль словом, соответствующее цитированию гегелевского — «мысль запрещена есть ложь», уклонение по поводу «содовторчества футуристов», словом, проповедь языкового агностицизма.

Вся рецензия полна недомолвок, реверансов, аляпов. Поэтому же рецензу, только несколько более умело, сделав и рецензия Галкиной-Федорук и Поспелова на книгу профессора Виноградова «Русский язык».

Приведем требования к учебнику, сформулированные товарищем Ждановым, рецензенты задают вопрос: «Отвечает ли книга акад. Виноградова таким требованиям?» Несомненно, этот самый существенный для читателей вопрос требует ясного и недвусмысленного ответа. Ответ: «Во всяком случае первая глава книги... этим требованиям далеко не отвечает». Ну, а вся книга в целом? Храбро задав вопрос, рецензенты постарались замять его, замаскировав частичным ответом о недостатках первой главы.

Далее следует довольно расплывчатая критика «Введения», изобилующая такими местами: «Определение же грамматик, данное академиком В. В. Виноградовым, легко может повести к общинному в формализме, хотя, в общем, обвинять В. В. Виноградова в формализме нет оснований». Это, разумеется, не критика по существу; скорее это приятельские указания на то, что необходимо сделать, чтобы не давать лишнего повода для критики. Так смысл этой уклончивой и шпозаговорной рецензии.

Но и этого редакция журнала показала недостаточным. В компенсацию за робкую, полноводную, угодническую критику она в том же номере напечатала заключение кафедр русского языка МПН им. Ленина и МОПИ на книгу академика В. Виноградова, где после нескольких замечаний следует безудержный панегирик.

Для того, чтобы совершенно скрыть от читателей истинную реакцию научного и общественного мнения, кроме этого апологического заключения, в том же номере журнала напечатан более чем странный отчет об открытом партийном собрании в языковом институте Академии наук. Все критические выступления представляются здесь в академическом сглаженном виде, а наиболее острые суждения опущены вовсе. Заметим сквозь зубы: «Серьезной критике со стороны собравшихся подверглись односторонние выступления докторанта А. П. Ефимова и доцента С. В. Кривошаева», авторы редакционного отчета без всякой оценки воспроизвели основные положения этих крикливых выступлений. Они умолчали, впрочем, что одним из главных тезисов доцента Кривошаева было фактическое направление против разветвления самостоятельного языковедения о том, что, критикуя известных ученых, мы даем оружие нашим врагам. «Что скажут в Европе!» — восклицал, выдвигая лозунг, новоявленный Фаустов.

Подполковник появления этих рецензий и отчета поняли. Вызужденные под давлением общественного и научного мнения выступить с резкой критикой, ученые и почтеннейшие таланты решили частично искупить свою вину.

Но вряд ли педагогическая и научная общественность согласится, чтобы члены редакционного журнала «Русский язык в школе» удерживали свои личные отношения с академиком Виноградовым на страницах печатного органа.

БЕСКОРЫСТНЫЙ ДЯДЯ СЭМ

В декабрьском номере журнала «Industrial and Engineering Chemistry» помещено заявление Комиссии по оказанию помощи европейским странам. Комиссия считает, что народы Европы могут «хотя бы частично» оплатить Америке за ее бескорыстную помощь, предоставив ей преимущественное право на эксплуатацию богатых железных руд Лабрадора (колония Англии), запасов нефти в Венесуэле, залежей хрома и никеля в Новой Каледонии (французская колония). И все это в уплату за американский «кисловый сахар и тушкунку».

Неплохой аппетит у бескорыстного дяди Сэма!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

№ 52

3

Под властью Больших Жаб

Каждый день газеты приносит нам телеграммы об очередном воинственном заявлении очередного американского генерала или о новой астерке атомных бомб, угрожающей смерти в стремлении всему миру. Среди подобных заметок радужно показается и сообщение о том, что монополисты, в руках которых находится пищевая промышленность, сирера пытались поджечь под сукно патент на изобретение, означающее огромное удешевление продуктов, а когда им это не удалось, — посягали изобретателя на сканью посулов. Мы привыкли к подобным свидетельствам грабических протравлений, которые раздирают агонизирующий капитализм.

Но то, что показало же нам вполне достоверными газетным сообщением, является на самом деле заявкой нового фантастического романа «Патент «АВ», принадлежащего писателю Л. Лавину.

Не будет парадоксом утверждение, что значительность этого фантастического романа — в его реализме. Ибо в нем фантастика лишь первая попытка сюжетной: представим себе, что в некоем империалистическом государстве А. Лавин отплатил ученым открыл препарат, ускоряющий рост животных. Экономия средств, затрачиваемых на выкармливание скота, должна означать огромное снижение цен на мясо, молоко, кожу и шерсть. Ученый давно предполагает, что, организовав производство этого препарата в широких масштабах, он облагодетельствует человечество. Вслед за этой фантастической попыткой начинается вполне реальная история. Автор романа с неотвратимой точностью показывает, что должно произойти с таким изобретением и таким изобретателем в ус-

ловиях капиталистического общества. Монополистические концерны государства Аржантей — так называется страна, в которой происходит действие романа, — решают приобрести патент у изобретателя. Он нужен им не для того, чтобы использовать его (какую жецель в капиталистическом мире может быть выгодно снижение цен!), а чтобы монополизировать мясных, молочных, кожаных и текстильных королей, похучая от них огромную дань за то, чтобы все были выпущены на рынок мясные, амулы александра, несущие сытую, обеспеченную жизнь огромному большинству народа Аржантей в всего мира.

Изобретатель не соглашается на это. Тогда начинается аниспиритованная монополизация травля, в результате которой по ложному обвинению в убийстве ученый попадает под суд. Как и полагается в настоящем империалистическом государстве, реакционеры Аржантей используют процесс для разнузданной антикоммунистической кампании. Как видно из сухого повествования содержания, ничего фантастического в судьбе доктора Ионфа нет. Напротив, это типичная судьба прекрасного ученого, почитаемого басноурным интеллигентом, который предполагает, что разумное, изобретательное не должно быть чуждым человечеству. Изобретение не может не восторжествовать, независимо от общественного строя его страны. Это вполне реальная история изобретения, означающего новый скачок в развитии производительных сил и поэтому особенно остро обостряющего уродливую капиталистическую строй. По истории изобретения этим не заканчивается. Снеумоленной в условиях империализма законотворчество — изобретение — захватывает второй заветней жизнью. Подчиненное

использованию, оно становится основой страшного человекоенавистического плана. Трех-четырелетние дети путем «инженерии александра превращаются во взрослых людей, сохраняя при этом умственные способности ребенка. Обученные простейшим техническим приемам, они должны стать беспрекословно повиновущимися рабочими в дни мира, полицейскими, востя дасутся рабочие, солдатами, когда начнется война. История фантастического александра по социальной своей сущности оказалась не более фантастической, чем история атомной энергии. И атомная энергия могла бы открыть человеку огромные богатства, освободить людей от непроизводительного труда, а прерваться в кошмар в большой политической пре сепекулянтов войны, бизнесменов военной истерии.

Роман представляет собою талантливый памфлет на современное буржуазное общество. Кроме главного героя, в нем изображены еще десятки человеческих существ, изуродованных общественным строем Аржантей. Осужден на уплату огромной неустойки церковной артист — аналунт Магараф, осужден потому, что он выразил тем самым нарушил контракт с предпринимателем. Никому нет дела до того, что Магараф стал политическим человеком. Его история понес убыток: это жалкое. Для того, чтобы найти себе жалкий антагонист, талантливый скрипач страны должен выдать себя за «высшего Магарафа». Только скандальная газетная сенсация может привлечь внимание прессы к такому законодательству ауса к его искусству. Один из некорреспондентов властителей страны Примо Париде подставляет под пули своего родного брата, боясь претензий на наследство. Таков мир Аржантей, столица которой носит возмездное название — Город Больших Жаб!

В свое время всю Аржантейю облетала крылатая фраза из замечательного памфлета профессора университетского святого Давидыа господина Камилла Спунна: «Месяц поражает в господине Париде Примо не

его баснословное богатство, но его железный характер, даже не его поистине необоримые деловые связи, а то, что он выработал в себе способность не унывать, произнося слово «демократия». Эти слова могут быть отнесены ко всем «Большим Жабам» всемирного империализма.

Гротескно название столицы этого государства, но за жалбыми мордами гротеска мы узнаем вполне реальные лица новых поджигателей войны.

За последнее время у нас мало появилось хороших книг в жанре фантастического романа и политического памфлета, поэтому хочется особенно приветствовать появление книги «Патент «АВ», автор которой умело сочетает гротескные средства памфлета с острым сюжетным построением фантастического романа.

Не все уязно в произведении Л. Лавина. Возражения вызывали явно опущенные литературные реминисценции. Страницы, на которых владельцы ресторанов и магазинов ради рекламы бесплатно кормят и одевает выросшего Магарафа, звучат, как пересказ соответствующих страниц из романа Марка Твена «Баклнот в миллион фунтов стерлингов». История чудовищно выросшего kota Меркурия, превращающегося в грозу города Бабука в окрестностях, вызывает слишком много ассоциаций с книгой Уэллса «Пинг-бог».

Зато совсем уже не в упрек автору можно сказать, что лучшие страницы его романа заставляют вспомнить «Войну с саламандрами» Карела Чапека. И это как раз те страницы, где совершенно не чувствуются сюжетные заимствования, литературные ассоциации, представляющие собой наибольшее зло современного фантастического романа. Эти страницы близки Чапеку умением подметить уродство современного капиталистического общества, которое почти на нуждается в превращении для того, чтобы стать карикатурой.

